

Ю р и й И л б и н

SALVATIO¹

27 АПРЕЛЯ, 20:31. СЕСИЛЬ Б.

— ...силована и избита до полусмерти. Пять часов назад она пришла в сознание, первичный допрос...

— Офицер, говорите помедленнее. Вас очень трудно понять. — Снова этот голос... Плосковатый баритон, почти приятный на слух и всегда преисполненный равнодушной любезности.

Бержер поняла, что она злится. А допускать этого нельзя ни в коем случае.

Уже шесть лет прошло с тех пор, как Сесиль Бержер, капитана Комитета по поддержанию равновесия и стабильности, прикомандировали к корпорации Kordo Konduktria. За все это время она очень часто слышала этот голос, но ни разу не видела его обладателя.

— Ну? Я вас слушаю, говорите, — снова раздалось из-под потолка.

— Как я уже сказала, пять часов назад она пришла в сознание, — произнесла Бержер как можно отчетливее. — Ее показания подтвердили: акт насилия совершен патрулем Службы общего контроля. За последние две недели это уже третий случай на поднадзорной мне территории. Так продолжаться не может.

— Офицер, ну, вы же сами понимаете, что к чему, не правда ли? — ответил голос. Сквозь любезность проступило едва заметное раздражение. — Мы все знаем, что с теми, кто чист в помыслах и безупречен в делах, никогда ничего не случается. Их не бьют и не насилуют, их дома не сгорают, их родные и близкие не погибают во время уличных беспорядков, а они сами не бродят по закоулкам, не прячутся от патрулей, не водят сомнительных знакомств и не забивают себе голову всякой скверной. Вы согласны?

¹Фрагмент из романа, который полностью был опубликован в №2 за 2017 г.

Бержер почувствовала приступ гнева — и моментально обратила его на саму себя. Так нельзя. Голос прав. Сомневаться недопустимо.

— Да, — почти с трудом ответила Бержер. — Однако... Однако факт остается фактом: на поднадзорной мне территории люди, поставленные защищать наше спокойствие, совершают преступления. Я считаю необходимым принять меры.

— Это все? — осведомился голос.

— Так точно.

— В таком случае спокойной ночи. Не засиживайтесь.

Несколько мгновений капитан Бержер простояла на месте, скрестив руки и глядя в окно.

В кабинете было темно и пусто. Из мебели — только неопределенного назначения шкаф, рабочий стол и придвинутое к нему кресло. Единственным сколько-нибудь существенным источником света служило огромное окно, из которого открывался вид на городскую панораму. Стены, окна и — нависающая над всем огромная башня, похожая на человеческую фигуру, вскинувшую вверх руку с факелом. Шпиль башни венчала алая эмблема Нортэмперии, странный символ, напоминавший не то два вертикально скрещенных камертона, не то огромный глаз с расходящимися в стороны острыми шипами.

На горизонте переливалось оранжевое зарево: где-то снова что-то горело.

Несколько мгновений Бержер, не мигая, вглядывалась в это тревожное зрелище. Затем резко отвернулась и, подойдя к столу, нажала на кнопку коммутатора.

— Зайдите.

Дверь раскрылась, из ярко-желтого прямоугольника в кабинет вступила темноволосая женщина в корпоративной униформе. Нашивки свидетельствовали о ее принадлежности к отделу учета финансов. Закрыв дверь, она вытянулась по стойке «смирно»:

— Явилась по вашему вызову. Добрый вечер, госпожа капитан!

Бержер уселась за стол и несколько мгновений холодно рассматривала собеседницу. На вид той можно было дать лет 25, хотя на деле ей тридцать три. Худощавая, невысокая, подтянутая, с усталым лицом и взглядом, словно обращенным внутрь. Гладкий овал подбородка, высокий лоб, черты лица в основном тонкие, но нос широковат; узкие, плотно сжатые губы. Ее нельзя было бы

назвать образцовой красавицей, но она определенно должна вызывать интерес у мужского пола...

— Я бегло ознакомилась с вашим прошением, — сухо произнесла Бержер, прожигая вошедшую взглядом. — Теперь я хочу, чтобы вы изложили мне устным порядком основания, по которым мне следует дать ему ход. Слушаю вас.

— Я считаю, что в другом отделе смогу приносить Корпорации больше пользы, нежели на нынешнем месте, — без выражения ответила женщина. — Я работаю не по той специальности, которую получала в учебных заведениях и полагаю...

— Вы полагаете, что лучше, чем руководство Корпорации, знаете, как вам жить и кем работать, — перебила ее Бержер. — Это я уже поняла. Но вот я смотрю ваше личное дело, и что я тут вижу? А вижу я тут множество проблем. Руководители отдела характеризуют вас как личность скрытную и необщительную. Отношение к своим обязанностям формальное: уходите почти всегда сразу после окончания рабочего дня. От коллективных увеселений уклоняетесь. Так, смотрим дальше: конфликты с сослуживцами, конфликты с руководством других отделов... Великолепно. Да, вот и Комнрав вас на завтра вызывает. Прекрасные предпосылки для удовлетворения прошения, просто прекрасные.

Наталья М. — так звали новоприбывшую — молчала. Ее взгляд теперь был устремлен куда-то в небытие.

— Я смотрю, вы совершенно потеряли чувство реальности. Забыли, что к чему? Что ж, я вам напомню. Подойдите к окну.

Наталья подчинилась, но встала так, чтобы не терять Бержер из виду.

— Видите зарево? С пожарами не могут справиться уже больше десяти лет. Это проблема, — произнесла назидательным тоном Бержер, подойдя к Наталии. — Падение производительности труда — это проблема. Падение нравственности среди служащих корпорации — это проблема. Уличная преступность — это проблема. Вот это все — серьезные проблемы, решение которых требует колоссальных усилий. А вы предлагаете руководству тратить время на мелкие капризы недовольных жизнью посредственностей! — Бержер осознала, что почти повысила голос. Надо взять себя в руки.

Она вернулась за стол, уселась, прикрыла глаза и сдавила пальцами переносицу.

— Идите домой, — произнесла она наконец. — Я не поддерживаю ваше прошение, но и чинить препятствий не намерена. Пусть решают вышестоящие. Вы свободны, ступайте.

Наталия вышла. Последняя на сегодня проблема была разрешена, оставалось только ввести в формуляр «На усмотрение руководства компании» и нажать «Отправить».

Все. Рабочий день закончился.

Бержер обнаружила, что снова стоит у окна и смотрит на далекий пожар. Пытается ли его сейчас кто-либо потушить?

Уже более десятка лет город постоянно окутан мглой и смогом. Пожары, происхождение которых было загадкой, медленно, но верно обтачивали Метрополис по краям. Дальние спальные районы давно обратились в Пустошь, и теперь бродячие пожары с каждым годом все ближе подбирались к безопасному пока еще центру.

И, несмотря на все торжествующие реляции со стороны городских властей, никто, похоже, не понимал, что делать с этими пожарами: они непредсказуемо вспыхивали тут и там и порой столь же внезапно гасли еще до того, как приезжала пожарная техника. Ну, а в тех районах, которые уже официально обезлюдели, пожары никто тушить и не пытался.

Бержер вновь поймала себя на крамольных мыслях. Ей все труднее становилось справляться и с этими мыслями, и с воспоминаниями...

...Но — давно пора забыть. По стойке смирно, офицер. Другой жизни нет и не будет. У каждого своя судьба, свое предназначение. И ты, капитан Бержер, свое знаешь. В такие времена чувства неуместны, жалеть себя — преступно. Свой удел надлежит принимать молча, безропотно...

Сжав кулаки и зубы, капитан Стабикома Сесиль Бержер стояла по стойке смирно у окна, чувствуя, как все ее члены наполняются свинцовой тяжестью и немеют.

27 АПРЕЛЯ, 21:37. АНТОН М.

Черный асфальт, мокрый мусор — обломки кирпича, мятые жестяные банки, сломанные ящики... Крысиный труп с червями...

Под редкими фонарями время от времени мелькает серый блестящий плащ с остроконечным капюшоном. Не выпускать его из виду и при этом не выдавать себя становилось все труднее.

Мелькнув под одним фонарем, фигура в плаще под следующим не появилась. Антон бросился бежать. Поворот. Должна была повернуть. Никого. Где же ты могла пойти?

Путь — от башни Kordo Konduktria до подпольного клуба «Ассамблея» — один из обычных маршрутов Наталии по понедельникам. Каждый раз она ходит разными путями. Он упустил ее довольно часто. Да и зачем он вообще шел за ней? Себе это Антон объяснял очень просто: может понадобится его защита. Хоть какая-нибудь. Да, слабак, да трус... Но все-таки мужчина.

Идти рядом с ней она ему не позволит никогда. Антона она ненавидела. У нее были на то весомые причины. Любые попытки примирения были заведомо обречены...

Сейчас он снова упустил ее из виду. Она бесшумно растворилась в наполненной гулом и ржавыми стенами сырой городской мгле.

...Холодный морозящий дождь. Антон поднял глаза к небу и тотчас несколько крупных капель попали ему на лоб. Он стер их и увидел ржавые пятна на ладони. Словно проржавел и начал протекать железный купол небосвода — так ведь его древние элины представляли? ...Пустые фантазии.

Антон выбирает наугад переулок, в который могла свернуть Наталия, и бросается бегом, стараясь производить как можно меньше шума. Тщетно. Она прошла где-то еще. Но Антон продолжает бежать. Уже не за ней, а от чего-то — от чего-то, что несколько мгновений назад взяло его след и теперь...

Остановиться? Оглянуться? Пусть его захлестнет, пусть все закончится! — Антон на бегу споткнулся обо что-то и едва не растянулся на асфальте...

...Слева чернеет стена. Угол дома, из-за него струится яркий свет. Голоса. Высунувшись из-за угла, Антон увидел, что буквально в тридцати метрах от него под фонарем стоит Наталия, зажата между двоих патрульных. Те пытаются разобрать, что написано в ее документах.

Чувствуя, как в солнечном сплетении у него разгорается пожар, Антон опустился на колени и подобрал с земли обрезок железной трубы.

Но патрульные вернули Наталии ее документы, козырнули и ушли. Наталия тоже моментально скрылась из виду.

Антон же еще какое-то время продолжал стоять, чувствуя, как его тошнит — от страха и от отвращения к себе.

Несколько бесконечных минут потребовались ему для того, чтобы собраться с силами и двинуться дальше.

До «Ассамблеи» оставалось совсем немного.

27 АПРЕЛЯ, 21:52. ВИКТОР В.

...Дверь, тамбур, коридоры, опять спуск и снова коридор. Старый, обшарпанный бетонный пол, всегда подозрительно чистый; ряды кабелей по потолку, стены изрисованы граффити, некоторые даже не лишены художественных достоинств. Запах сырых камней и ветхости, пропитанной дымом.

Узкая, тяжелая дверь с приваренной к ней — зачем? — решеткой. Яркая лампа на столе, за которым, еле видимый, сидит человек. Лицо скрыто в тени. Зато видны лежащие на столе руки — густой шоколадного цвета.

— Добрый вечер, Флестрин, — поздоровался Виктор.

— Добрый вечер, сэр, — раздался в ответ гортанный бас.

Чернокожий великан поднялся из-за стола, подошел к Виктору и, широко улыбаясь, протянул ему руку. Пожатие было, как всегда, внушительным.

— Все ли хорошо сегодня? — спросил Виктор.

— Хм, почти, — ответил Флестрин. — Видите ли, концерт запаздывает. Мы никак не можем дождаться Принцессу. Она общила, что, возможно, задержится, но не объяснила, с чем это связано. Ее до сих пор нет, и никто не знает, что и думать.

— Будем надеяться, что вскоре мы ее все-таки увидим.

— Конечно, сэр, — Флестрин произносил это слово с особым вкусом.

Никто в Нортэмперии никогда не обращается друг к другу «сэр», «мсье», «мадам», «мадемуазель» или как-нибудь еще. Это «гнусный пережиток прошлого», с которым беспощадно борются и Стабиком, и Комнрав, и другие комитеты и комиссии, коим нет числа.

И только у экзилитов это обращение в ходу.

Сколько лет назад они появились? Двенадцать? Больше?..

Свое самоназвание они образовали от двух внешне сходных иноязычных слов, одно из которых обозначало «изгнание», второе — «утонченность». «Мы экзилиты, и «утонченность» есть наш образ жизни, а «изгнание» — мера удаленности от сегодняшнего

миропорядка», — гласил первый пункт их манифеста, расходившегося рукописными копиями. Интересно, кто был его автором?

Наряды, манеры, учтивость и сдержанность. Экзилиты были субкультурой людей, «игравших в аристократию», стремившихся в своем кругу воспроизвести дух давно исчезнувшего «высшего света» — точнее, конечно, собственное представление о нем, порядком приукрашенное.

Их осталось мало — тех, кто готов тайком пробираться сюда по темным и грязным улицам, чтобы, переодевшись из корпоративной униформы в стилизованные вечерние платья и костюмы, провести несколько часов в обществе себе подобных. А потом так же пробираться домой закоулками, рискуя головой.

В гардеробе Виктор сбросил тяжелый плащ, сменил высокие ботинки с толстой подошвой на лакированную пару, оправил фрак и бабочку.

— Приятного вечера, сэр. — Флестрин открыл перед Виктором дверь в клуб. — Обратите внимание, нам завезли «Мартини».

Виктор почтительно кивнул и вошел внутрь.

Полумрак, столики, покрытые бордового цвета скатертями с золотистой бахромой. Свечи в больших тяжелых подсвечниках. Повсюду на стенах — репродукции классической живописи. В воздухе запах духов, одеколona, пряностей (не иначе как сегодня подают еще и горячий глинтвейн!) и трубочного табака.

Посетителей действительно много — не меньше сорока человек. Впрочем, лица все знакомые. Кто-то, как, например, вон те двое «коллег» по буклегерскому промыслу, кланяется издали, кто-то подходит поздороваться.

А вот и Искандер, совладелец и распорядитель заведения: плотный круглолицый мужчина с подвижным, но очень внимательным взглядом. На лице у него читаются и недоумение, и тревога. А раз так, значит, он считает возможным, чтобы это все видели. Долгие годы в театре хорошо научили его показывать только то, что ему было нужно. Когда-то в той, прошлой жизни он был презнатным актером. Сейчас же он работает секретарем в суде. «Жду того дня, когда буду секретарствовать на собственном процессе», — полушутя приговаривает он.

Искандер поглядывает на часы. Стрелка показывает уже четверть одиннадцатого. На помосте в противоположном от входа

конец зала стоят, переминаясь, готовые играть музыканты, но у микрофонной стойки никого.

Пожав плечами, владелец «Ассамблеи» нехотя подал знак, и ансамбль начал играть нечто джазоподобное — очень популярную среди здешней публики песню «Однажды солнечным днем».

Заказав у официанта martini — нет, пожалуй, все-таки, лучше принесите глинтвейн, — Виктор уселся на свое обычное место недалеко от сцены.

Неуютно. Неужели с Принцессой что-то случилось?

Кларнетист уже доигрывал длинное вступительное соло, когда у входа возникло какое-то оживление. Лица музыкантов озарились улыбками. Сбросив плащ и респиратор на руки подоспевшему Искандеру, Наталия — как была, в корпоративной форме, — взлетела на помост и сходу начала петь.

*Каждый год в тот же день, в то же час
Пью бокал со словами «за нас»
И с пустой надеждой разглядеть пытаюсь твой силуэт,
Но всегда вокруг чужие голоса, и дым, и тусклый свет...*

Что-то заставило Виктора обернуться, и он увидел, что в тени у дальней стены стоит его приятель — Антон. Он, значит, тоже здесь? Чертово привидение, мог бы и поздороваться подойти. Надо бы их с Принцессой познакомить.

*Но верю: судьбе вопреки
Обещанье ты сдержишь свое.
Ты сказал мне, прощаясь:
«Мы встретимся вновь —
Однажды солнечным днем».*

Кто и когда это написал? Звучит как стилизация под военные песни начала-середины двадцатого века, а две последние строки припева и вовсе прямая цитата из Веры Линн... Кто-нибудь здесь сейчас помнит Веру Линн?

Голос Наталии мало-помалу заглушил все посторонние мысли. Простая и незамысловатая песня о человеческой потере, а какой мороз по коже от нее... Что ей довелось пережить за свою недолгую жизнь?

На последнем куплете к голосу Наталии присоединились несколько голосов из зала.

*Я верить хочу, что ты жив,
Что все эти годы — лишь сон,
И судьбе вопреки мы встретимся вновь
Однажды солнечным днем.*

Наталия допела с видимым облегчением. В зале зааплодировали, но без глупых выкриков: экзилитам надлежит проявлять сдержанность.

Внезапно у микрофона возник Искандер.

— Браво! Брависсимо, Принцесса, браво, друзья-музыканты! К сожалению, у меня есть пренеприятнейшее известие. Только что мне передали, что Служба общего контроля перенесла комендантский час с завтра на сегодня. Официально он вступит в силу сразу после полуночи, но мы все знаем, какого рвения преисполнены наши охранители порядка. Поэтому, к величайшему сожалению, наш вечер придется прервать. Всем, кто желает попасть сегодня домой, рекомендую отправиться как можно скорее. С теми же, кто предпочтет остаться, мы с этого момента... ну, допустим, празднуем ее, — он указал на одну из официанток, — день рождения.

В зале загорелся свет. На несколько секунд загрохотала — да так, что затряслись полы и зазвенела посуда, — какая-то третьесортная танцевальная музыка. Ее, к счастью, быстро заглушили. Со столиков и стульев исчезли скатерти и драпировка, и сразу стало видно, что это самая дешевая пластиковая мебель, к тому же порядком потрепанная. Стекланную посуду спрятали, вместо нее появились одноразовые пластиковые стаканы и картонные тарелки. Рамы с картинами повернули обратными сторонами, на которых были наклеены трехцветные агитплакаты, славившие Нортэмперию и проклинавшие ее врагов, внешних и внутренних.

Мало-помалу исчезли наряды, сменяясь серо-синей униформой. Большинство молча покидало заведение, на прощание раскланиваясь с Искандером, на лице которого переливались любезность, смущение и досада.

Таковы правила игры. «Ассамблея» была последним местом, где экзилиты еще могли собираться, не опасаясь, что их немед-

ленно скрутят. Пять лет назад государственные газеты объявили, что экизиты, дескать, не чтят свою родину.

Кому и чем они помешали, осталось загадкой. Но ненависти не нужны ни причины, ни обоснования. Достаточно подходящей мишени. И крепкие мальчишки из Молодежной Лиги в поддержку Порядка быстро, весело и с огоньком очистили Метрополис от скверны...

— Bravo! — сказал Виктор, подойдя к Наталии. — Вы сегодня особенно хороши.

— Благодарю вас, — ответила Наталия с мелькнувшей улыбкой.

— Не задумывались о том, чтобы получить лицензию на выступления?

— Нет, я не имею обыкновения торговать телом, — бесстрастно ответила Наталия.

— М-м, простите... Я... ничего такого, — сказал Виктор, понимая, что сболтнул лишнего.

— Я понимаю. Все в порядке, — отозвалась Наталия, все также бесстрастно.

— А, кстати, — Виктор подождал жестом Антона, тот приблизился весьма неохотно, — позвольте представить, мой приятель...

— Мы знакомы, — перебила Наталия. И на сей раз ее голос прозвучал сухо и враждебно.

— Это моя сестра, — тихо сказал Антон.

— К сожалению, — в тон ему отозвалась Наталия.

— Вот как... Хм... Простите, не знал.

И ведь правда: со всей разницей в росте, чертами лиц Антон и Наталия были слишком похожи, чтобы счесть это случайностью. И глаза одного и того же цвета.

...И ледяная стена отчуждения. Правда, кажется, она существует, только для Наталии. Интересно.

Подошел Искандер.

— Принцесса, вы останетесь? Украсите наше общество, хоть оно теперь будет и далеко не столь приятным...

— Благодарю вас, но я, пожалуй, отправлюсь домой, — ответила Наталия.

— Мы проводим. Надеюсь, вы не откажетесь от нашего сопровождения? — спросил Виктор у Наталии.

Та лишь безразлично пожала плечами.

27 АПРЕЛЯ, 23:14. ПУСТОШЬ

...Пробираться через Пустошь в это время — без пяти минут самоубийство. Во всяком случае, надо знать маршруты. Покрытые копотью здания, оставшиеся еще стоять в Пустоши, медленно, но верно оседали и осыпались. И даже приближаться к ним было порой небезопасно.

Хуже того, здесь хозяйничали банды мародеров, рвавшие друг другу глотки за каждый угол, где могло оставаться хоть что-то ценное. К непрошеным гостям они нерадушны...

...Но сейчас все попрятались. На промысел выходит самый крупный, злобный и непредсказуемый хищник ночной саванны — Служба общего контроля. Еще пару лет назад «соколы» во время комендантского часа были уполномочены убивать на месте кого захотят. Потом их формально лишили этого права, да только не все они об этом помнили.

Виктор включил подсветку на часах. Четверть двенадцатого. Что ж, есть еще шанс успеть добраться до ближайшего жилого квартала без особых неприятностей.

...Возле очередного поворота Антон тихо, но твердо произнес: «Стойте». Наталия остановилась так резко, будто закон инерции над ней был не властен.

— Что такое? — тихо спросил Виктор.

В ответ раздался оглушительный лязг и грохот: в десяти метрах от них обрушился балкон второго этажа. Когда эхо устало прыгать по стенам окрестных зданий, Антон все тем же тихим и твердым голосом сказал:

— Держитесь левой стены.

Никто не спорил. Чутье на опасность у Антона было феноменальным. Виктор это знал давно, Наталия, видимо, тоже.

В конце улицы за следующим поворотом горел фонарь. А значит, Пустошь кончилась, начинаются жилые, точнее, еще пригодные для проживания кварталы.

Дым сгущался с каждой минутой. Все трое, сами того не сознавая, ускоряли шаг и до фонаря добрались почти бегом.

— Господа, благодарю вас, — слегка отдышавшись, произнесла Наталия. — Отсюда я доберусь самостоятельно.

— Еще квартал, — ответил Антон, снимая респиратор, чтобы поправить затяжки, — и что-то здесь...

— Неважно, — перебила Наталия, — здесь со мной уже ничего не случится...

Фонарь над ними со звоном погас, посыпалось стекло. Одновременно слева метрах в двадцати ослепительно вспыхнули фары патрульной машины.

— Не двигаться! — рявкнул громкоговоритель.

На фоне дымных фар появились три силуэта: два крепких жердя и огромных размеров толстяк. Когда он приблизился, Антон разглядел сержантские нашивки на его воротнике.

— Служба общего контроля, — подойдя, верзила небрежно козырнул и как можно неразборчивее представился, — Сржнтдмин. Вы нарушаете комендантский час. Пройдемте.

— Добрый вечер, сержант, — подчеркнуто вежливо сказал Антон, застегивая маску, которую едва успел вернуть на место. — Не подскажите, который час?

— Половина двенадцатого, — машинально ответил толстяк. Тут до него дошло. — Умный, да? Ну, ничего, потусуемся полчасика, — прошипел он.

Ситуация складывалась прескверная. От жирного несло перегаром, и его не мог перебить даже запах дешевого дезодоранта.

— Почему без нашивок? — толстяк пихнул Виктора в плечо.

— Временно безработный, ищу...

— Завали, — лениво махнул рукой сержант. — Ой, а это у нас что? Де-е-вушка!

Толстяк протянул руку, чтобы сорвать капюшон с головы Наталии. И тут Антон сделал нечто, чего от него не ожидал никто: со словами «Не трогай ее!» — оттолкнул руку верзилы. Несмотря на как минимум двукратную разницу в весе, толстяк пошатнулся и на секунду замер в изумлении.

Все лучше и лучше: Виктор лихорадочно соображал, что даже если сейчас ему удастся свалить этого борова ударом по голове, вон стоят еще двое, а Антон, мягко говоря, не бойцовского телосложе...

Опомнившись, верзила истошно завизжал и выхватил из-за пояса дубинку. И тут, будто в продолжение его визга, над головами раздался взрыв. Из окна верхнего этажа ближайшего дома выломился ослепительно яркий столб пламени, по асфальту во-

круг забарабанил горящий мусор. Патрульные, заорав, бросились наутек. Виктор, Наталия и Антон скрылись в темноте.

Где-то завывла пожарная сирена...

28 АПРЕЛЯ, 11:04. ДОРМИН

Сержант Дормин сидел на краю низкой скамьи в раздевалке Окружного управления Службы общего контроля и курил, держа сигарету большим и указательным пальцами. Отвисшая нижняя губа дрожала, уголки рта были опущены, и все в его массивном лице выражало обиду и досаду. Ночное дежурство не задалось совсем.

Вместо охоты на мелкую дичь на окраине Пустоши ему пришлось участвовать в тушении пожара, потому что это тоже, видите ли, работа Службы общего контроля. Заставили таскать мокрые шланги, крутить вентили, делать всю прочую хрень... В канализационный люк чуть не загнали пацана — не пролез, крупный стал слишком...

Дормин повел пустым взглядом из стороны в сторону, поднес ко рту сигарету, глубоко затянулся, а затем выпустил облако дыма — такое огромное, что, казалось, обычные человеческие легкие столько не вместят... И вдруг вскочил, завизжал и начал со всей силы дубасить кулачищами по синей дверце раздевального шкафа.

За два часа, проведенные в раздевалке, сержант успел разгромить ее всю. Следы от кулаков виднелись на каждом шкафу, некоторые дверцы были смяты или вырваны, одна из двух скамей разломана — на ней прыгали. Теперь жертвой неудержимой ярости стал отдельно стоявший раздевальный шкаф с надписью «Sgte. Dormin».

Дормина в Управлении боялись и недолюбливали. Никто не знал, откуда он взялся: просто однажды, когда Метрополис еще не был закрытым городом, эта туша протиснулась сквозь дверной проем, держа в руках документы о переводе из какого-то захолустного городка на другом конце страны.

Много раз его командиры писали рапорты наверх, просили и даже требовали уволить рядового Дормина со службы за постоянные нарушения и неповиновение приказам. Сначала эти рапорты игнорировали, а затем как-то раз в ответ на очередную жалобу пришел приказ о присвоении Дормину звания капрала.

По этому случаю было организовано торжественное построение. Офицер вручил Дормину новые лычки, козырнул и резко отдернул руку. Новоиспеченного капрала моментально сбили с ног и потом долго и с удовольствием бегали по нему всем строем.

Через два месяца Дормин вернулся из госпиталя в Управление — присмирившим, послушным и исполнительным. Впоследствии его даже начали поощрять: оказалось, он вполне способен был раскрывать уличные преступления — ловить убийц, воришек, контрабандистов и прочую мелюзгу. Там, где ему недоставало ума, он полагался на звериное чутье и мертвую хватку. И это работало.

В прошлом году его произвели в сержанты. Но так и оставили в отделе уличного патрулирования.

На разгромы, подобные сегодняшнему, командиры предпочитали смотреть сквозь пальцы.

...Шкаф был привинчен к полу, но это не помешало Дормину его свалить. В тот момент, когда раздался железный грохот, в раздевалке погас свет. Через мгновение зажглись две красные аварийные лампы, послышалось шипение статики, и Дормин услышал знакомый голос, который всегда заставлял его бледнеть и трястись. Хотя его обладателя он никогда не видел.

— Значит, не смог удержать? — ласково произнес плосковатый баритон.

— Так точно, — вскочив и вытянувшись по стойке смирно, проблеял Дормин. — Пожар вспыхнул.

— Да ты свой хрен в руках не удержишь, малыш. Лиц тоже не запомнил?

— Двое были в респираторах. Но одного я узнаю...

— Он один мне не нужен. Он опасен, но сам по себе — беспомощен. Все остальные тоже поодиночке беспомощны. Но поодиночке они мне не нужны. Понял?

— Прикажете искать и брать всех троих вместе?

— Всех четверых. Удачи, малыш.

Снова включился свет. Дрожа коленями, Дормин опустился обратно на скамью... Но тут дверь открылась, и снова пришлось вскакивать. Впрочем, всунувшийся в нее полицейский был таким же сержантом. Можно не козырять.

— Опять разгромил тут все, кабан чертов?

— Рассердился, — буркнул в ответ Дормин, закуривая.

— Приберись, а то офицеры...

— Да приберусь, приберусь! Чего хотел-то?

— Послезавтра сбор на Паноптикуме.

— А-а! — воодушевился Дормин. — Наконец-то!

— Да, и лейтенант ждет объяснительную по аварии — тот тип, которого ты сбил... В общем, только что передали, что ходить он больше не будет

— Вот и хорошо! Вот и славненько! А его родня пусть мне теперь платит за разбитую машину и возмещает моральный ущерб.

— Слышь, оставь их уже...

— Ага, разбежались! — заорал Дормин. — Я из-за него на машину угрохал целый капитал, да меня еще и оштрафовали! Из-за какого-то куса дерьма, который бегать не умеет! Да я всю их породу изведу!!!

Дормин вскочил и начал бешено пинать поваленный шкаф. Пожевав губами, второй сержант закрыл дверь.

